

Виноградов В. П. Уставные чтения, как предмет изучения с историко-гомилетической и историко-литургической точек зрения: [Речь перед защитой магистерской диссертации «Уставные чтения (Проповедь книги). Историко-гомилетическое исследование. Выпуск первый. Уставная регламентация чтений в Греческой Церкви». Сергиев Посад, 1914] // Богословский вестник 1914. Т. 2. № 6. С. 235–264 (2-я пагин.). (Окончание.)

---

## УСТАВНЫЯ ЧТЕНІЯ,

как предметъ изученія съ историко-гомилетической и историко-литургической точекъ зрѣнія <sup>1)</sup>).

Ваше Преосвященство,  
Высокочтимое ученое собраніе!!

Право всякаго ученаго изслѣдованія на существованіе и на ученое признаніе основывается на вносимыхъ имъ въ разработку чередныхъ научныхъ проблемъ *новыхъ тезисахъ* или, по крайней мѣрѣ, *новыхъ данныхъ*, средствахъ и методахъ для обоснованія *старыхъ тезисовъ*.

Выступая сейчасъ предъ Вашимъ ученымъ судомъ защищать научныя права моей книги, я позволю себѣ, пользуясь предоставляемымъ мнѣ академической традиціей правомъ перваго слова, изложить главнѣйшія изъ тѣхъ основаній, которыя даютъ мнѣ рѣшимость претендовать на усвоеніе моей книгѣ права ученаго бытія: что *новаго*, какіе *новые тезисы* или *новыя данныя* и для выясненія *какихъ* именно научныхъ проблемъ вносить въ науку моя книга?

Предметъ моего изслѣдованія составляетъ исторія группы сборниковъ *проповѣднической* и вообще богослужебно-учительной литературы греко-славянскаго міра, обнимаемыхъ понятіемъ „Уставныхъ Чтеній“. Въ этомъ смыслѣ, т.-е. по существу изучаемаго мною предмета, *мое изслѣдованіе историко-литературнаго и точнѣе историко-гомилетическаго характера*. Но въ подлежащемъ Вашему ученому суду *первомъ* выпускѣ мое изслѣдованіе захватываетъ предметъ съ той

---

<sup>1)</sup> Рѣчь, произнесенная въ собраніи Совѣта Моск. Дух. Академіи 22 мая 1914 г. предъ защитой магистерской диссертации на тему: „Уставныя Чтенія (Проповѣдь книги). Историко-гомилетическое изслѣдованіе. Выпускъ первый. Уставная регламентация Чтеній въ Греческой Церкви. Сергіевъ Посадъ 1914 г.“

его корневой стороны, гдѣ его жизнь органически сливается съ исторіей богослуженія и гдѣ, поэтому, историко-гомилетическія проблемы неразрывно переплетаются съ историко-литургическими. Отсюда, моя работа, преслѣдуя историко-литературныя задачи, спускается въ область *литургическихъ* источниковъ и вноситъ тезисы въ направленіи *одновременно* и гомилетическихъ и литургическихъ проблемъ.

Выборъ предмета моего изслѣдованія обусловленъ интересами исторіи древне-русской проповѣди. Исторія древне-русской проповѣди имѣетъ своеобразныя особенности.

Обычно въ исторіи проповѣди того или другого народа, той или другой эпохи отдѣльныя явленія проповѣдническаго творчества выступаютъ на почвѣ извѣстной определенной личности, какъ ея индивидуальный продуктъ, органически связанный съ другими духовными проявленіями той же личности. Задача историка проповѣди здѣсь заключается въ томъ, чтобы понять тотъ или другой рядъ произведеній проповѣдническаго творчества, какъ продуктъ *определенной* личности, ея природныхъ свойствъ, *школы*, въ которой эта личность выросла и сложилась, наконецъ, условій *эпохи* и общественной *среды*, подъ воздействием которыхъ протекла вся жизнедѣятельность изучаемой личности. Въ исторіи древне-русской проповѣди этотъ методъ изслѣдованія мало приложимъ. Подавляющее большинство произведеній древне-русскаго проповѣдничества выступаетъ предъ изслѣдователемъ, такъ сказать, безъ литературнаго рода и племени. Они не носятъ въ надписаніяхъ именъ своихъ дѣйствительныхъ авторовъ, какъ не носятъ въ своемъ содержаніи сколько-нибудь ясной печати индивидуальной личности этихъ авторовъ и условій определеннаго историческаго момента своего происхожденія; о многихъ изъ нихъ невозможно установить даже точно: принадлежатъ ли они Руси, или славянскому югу, или же просто представляютъ переводъ греческаго оригинала. Что же дѣлать историку проповѣди съ этимъ матеріаломъ? Систематизировать находящіяся въ немъ догматическія, нравственныя, обрядовыя, каноническія, библейско-историческія истины? Такъ сдѣлали авторы двухъ единственныхъ попытокъ общаго обзорѣнія всей исторіи древне-русской проповѣди: извѣстный Аскоченскій, отъ котораго мы имѣемъ книгу „Русское проповѣдни-

чество, историческое его обозрѣніе и взглядъ на современное его направленіе“ (СПБ. 1876), и анонимный авторъ „Историческаго очерка русскаго проповѣдничества“. Но что они дали наукѣ? *Каталожный* сводъ мыслей, и при томъ *какихъ* мыслей? По совершенно вѣрному замѣчанію, дѣлаемому однимъ изъ указанныхъ авторовъ, „строго говоря, русскіе проповѣдники почти не сказали ничего самобытнаго“<sup>1)</sup>. Спрашивается: для чего же нуженъ сводъ нисколько не оригинальныхъ идей и мыслей, оторванныхъ отъ исторической почвы? Можно ли назвать эту каталогизацію исторіей?

Но съ другой стороны: какъ же быть, если исторія древне-русской проповѣди имѣеть дѣло съ произведеніями, несвязанными ни номинально, ни органически-идейно съ опредѣленными историческими личностями, съ опредѣленными историческими моментами? Исторія предполагаетъ развитіе, послѣдовательное поступательное движеніе, смѣну явленій. Какое же поступательное движеніе, какой историческій жизненный процессъ творчества скрываетъ въ себѣ длинная вереница древне-русскихъ безымянныхъ поученій?

Когда я задумывался надъ этимъ вопросомъ, я обратилъ вниманіе на то, что если древне-русскія поученія предстають предъ изслѣдователемъ не на почвѣ *личности*, однако вмѣсто того они имѣють своеобразную почву: во всякомъ случаѣ они выступаютъ на почвѣ *книги*, какъ составной элементъ *сборника опредѣленнаго типа*. Я задался вопросомъ: въ какомъ взаимоотношеніи вообще стоятъ эти два явленія: сборникъ и каждое входящее въ него новое поученіе? Является ли сборникъ только необходимымъ складочнымъ мѣстомъ независимо отъ него появившагося произведенія, или же быть можетъ сборникъ имѣлъ какую-либо причинную роль въ самомъ процессѣ появленія входящаго въ него произведенія? Пробный анализъ двухъ извѣстнѣйшихъ древне-русскихъ сборниковъ поученій—Торжественника и Златоуста убѣдилъ меня въ послѣднемъ предположеніи: для древне-русскаго поученія сборникъ не только складочное мѣсто, но и источникъ его содержанія, образецъ его строенія и главный импульсъ его появленія. Древне-русскія анонимныя поученія возникли какъ реакцірованіе не на со-

<sup>1)</sup> Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества, стр. 741.

временную практическую жизнь, а на то идейное содержаніе, литературные приемы и формы, которыя предносили древне-русскому человѣку *готовый сборникъ* произведеній проповѣдническаго творчества. Въ этомъ—*истинный секретъ индивидуальной жизни*, повидимому, безцвѣтнаго, безхарактернаго древне-русскаго поученія. Понять индивидуальную сущность древне-русскаго поученія, это значитъ установить тѣ импульсивные элементы древне-русскихъ проповѣдническихъ сборниковъ, отраженіемъ которыхъ данное поученіе явилось. Отсюда построить исторію древне-русской проповѣди не мыслимо внѣ исторіи развитія древне-русскихъ проповѣдническихъ сборниковъ. Мнѣ стало очевидно, что чередная научная задача историка древне-русской проповѣди— вскрыть исторію происхожденія, формаціи и литературнаго вліянія древне-русскихъ, *греко-славянскихъ по происхожденію*, проповѣдническихъ и вообще церковно-учительныхъ сборниковъ.

Выполненіе этой задачи, разумѣется, дѣло коллективной ученой работы, которая насчитываетъ за собой уже не одно десятилѣтіе и ни одно славное ученое имя, изъ числа историковъ древне-русской письменности. На меня, какъ на историка проповѣди, выпала здѣсь доля разработки сборниковъ, представляющихъ наибольшую цѣнность съ историко-гомилетической точки зрѣнія. Таковы именно и суть сборники, возникшіе или по крайней мѣрѣ разившіеся и распространявшіеся въ силу ихъ *богослужебнаго* учительнаго употребленія, чтенія въ положенное Церковнымъ Уставомъ время и по опредѣленному Ц. Уставомъ порядку. Кратко, технически выражаясь, это суть сборники *Уставныхъ Чтеній*, главнѣйшіе изъ которыхъ суть Толковое Евангеліе, Торжественникъ и Златоустъ, Четьи-Минеи.

Высокая честь перваго прозрѣнія особой цѣнности этой группы сборниковъ принадлежитъ незабвенному профессору и ректору нашей Академіи прот. А. В. Горскому. По мнѣнію современнаго извѣстнаго знатока древне-русской письменности проф. Н. К. Никольскаго сборникамъ этой группы принадлежитъ исключительная, первостепенная роль въ исторіи всего древне-русскаго просвѣщенія и древне-русской письменности. Въ актовомъ рѣчи въ С.П.Б. Дух. Академіи 17 февраля 1900 г. онъ заявилъ слѣдующія положенія проблематическаго характера.

„Уставнымъ Читеніямъ выпало на долю быть главнымъ источникомъ русскихъ духовныхъ идеаловъ... Складъ идеальныхъ понятій древне-русскаго человѣка и его убѣжденій свою основу имѣлъ въ томъ ученіи, которымъ Церковь направляла его въ Уставныхъ Читеніяхъ. Типикарныя чтенія заправляли духовнымъ воспитаніемъ народа;.. распространеніемъ христіанскаго просвѣщенія и церковнаго быта наша древняя отсталая Русь была обязана болѣе книгѣ, чѣмъ устному слову, особенно въ виду того факта, что на ряду съ прочитываніемъ божественныхъ писаній въ церкви, тотъ же устный матеріалъ употреблялся и для домашняго или келейнаго чтенія, которое въ древности было почти равносильнымъ, хотя и менѣе общедоступнымъ источникомъ просвѣщенія... Огромное большинство памятниковъ древне-русской *оригинальной* литературы возникло въ силу житейскихъ потребностей, между которыми самыми существенными были требованія Церковнаго Устава, разъясняющія намъ происхожденіе преобладающихъ особенностей такъ называемой древне-русской литературы. Въ исторіи церковнаго Устава, и назначеннымъ имъ чтеніямъ слѣдуетъ искать разгадку и основнаго направленія древне-русской литературы, и послѣдственности въ ея развитія, и частныхъ интересовъ ея и стилистическихъ вкусовъ ея писателей, жившихъ до половины XVII вѣка включительно. Наиболѣе яркіе выразители теченій общественной мысли XV и XVI вѣка преподобные Іосифъ Волоцкій и Ниль Сорскій, митрополиты Данииль и Макарій (а я въ свою очередь добавилъ бы: а также такіе знаменитые представители древне-русской проповѣди, какъ Феодосій Печерскій, Кирилль Туровскій, Григорій Цамблакъ и другіе) могутъ быть правильно поняты только послѣ сопоставленія ихъ трудовъ съ суммою типикарныхъ чтеній ихъ эпохи. *Переводный* четій матеріалъ, среди котораго *произведенія древнихъ* русскихъ писателей кажутся незначительной крупицей, распространялся въ тысячахъ списковъ прежде всего вслѣдствіе *богослужебныхъ* потребностей. Исторія развитія этой богатой письменности долгое время почти исключительно отражала на себѣ насущную потребность въ кругѣ Уставныхъ Читеній. Почти до половины XVII вѣка церковно-учительныя задачи не покидали нашей библіотечной письменности, если не во всей ея совокупности, то въ самомъ

обширномъ ея отдѣлѣ. Доступныя нашему изученію древне-русскія бібліотеки были не хранилищами памятниковъ науки и литературы, но хранилищами богослужебнаго и церковно-учительнаго матеріала“<sup>1)</sup>.

Нельзя сказать, чтобы сборники этой столь важной группы не были вовсе изучаемы. Наоборотъ, нужно сказать, что изученіе ихъ, особенно въ ихъ греческой основѣ, имѣетъ весьма почтенную давность. Вѣдь, всѣ эти орегы omnia почти всѣхъ отцовъ, учителей и писателей церковныхъ древняго времени въ отдѣлѣ проповѣдническихъ произведеній впервые найдены и собраны изъ разсѣянія во едино ни откуда иначе, какъ изъ сборниковъ Уставныхъ Чтеній—Панигириконовъ, на основаніи сравнительнаго изученія ихъ состава и прежде всего на основаніи тѣхъ показаній, какія даются здѣсь въ надписаніяхъ отдѣльныхъ статей... Вѣдь, всѣ эти, можно сказать, безчисленныя житія и мученія, безъ изученія которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ церковный историкъ или патрологъ, и которыя мы имѣемъ теперь въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ изданіяхъ, сохранились и извлечены впервые ни откуда иначе, какъ изъ тѣхъ же сборниковъ Уставныхъ Чтеній типа Четвѣхъ Миней. Изученіе всѣхъ этихъ произведеній есть собственно изученіе *отдѣльныхъ элементовъ* сборниковъ Уставныхъ Чтеній. Трудовъ въ этомъ родѣ весьма много. Но чѣмъ болѣе они вырастаютъ, тѣмъ ощутительнѣе становится потребность, для ихъ плодотворнаго выполнения, въ разработкѣ *исторіи развитія самихъ этихъ сборниковъ, какъ сборниковъ опредѣленнаго типа, ихъ появленія, формации, усложненія, распространенія и вліянія*. Работа въ этомъ направленіи—чередная научная задача исторіи греко-славянской письменности, задача, врывающаяся

<sup>1)</sup> Историческія особенности въ постановкѣ церковно-учительнаго дѣла въ Московской Руси. Христ. Чтеніе 1901 г. ч. I, стр. 220—236. Тѣ же положенія снова были высказаны тѣмъ же Н. К. Никольскимъ въ сообщеніи „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности. Стр. 1—32. Памятники древней письменности и искусства LXLVII. СПБ. 1902. Одновременно Уставными Чтеніями заинтересовался К. П. Побѣдовосцевъ, по порученію котораго тѣмъ же проф. Никольскимъ былъ изданъ Сборникъ церковно-учительныхъ чтеній на дни страстной седмицы“ (М. 1900) въ русскомъ переводѣ, а также отдѣльныя произведенія изъ состава Уставныхъ Чтеній.

въ самую глубь любопытнѣйшаго и мало выясненнаго вопроса о вліяніи византійской литературы на славяно-русскую.

Тайна жизни и развитія каждаго изъ сборниковъ Уставныхъ Чтеній, какъ и всякихъ сборниковъ вообще, вскрывается двумя параллельными путями, съ одной стороны путемъ сравнительнаго библиографическаго обзора состава извѣстныхъ намъ списковъ того или другого вида сборниковъ; съ другой—путемъ сравнительнаго анализа статей сборниковъ со стороны ихъ взаимоотношенія и литературныхъ источниковъ. Эти два пути и были мною примѣнены для спеціальнаго изслѣдованія двухъ, основныхъ и неразрывно родственныхъ сборниковъ—Торжественника и Златоуста. Результатамъ этой моей работы (нѣкоторые изъ которыхъ опубликованы мною въ изданіи Импер. Общ. Люб. Др. Письменности—выходящей подъ редакціей проф. Н. К. Никольскаго „Библиографической лѣтописи“ Выпускъ 1-й 1914 г.) будутъ посвящены дальнѣйшіе выпуски моего изслѣдованія. Въ настоящемъ же, первомъ выпускѣ моей работы я сосредоточиваю свое вниманіе на той сторонѣ дѣла, которая составляетъ *общій исходный* опорный пунктъ для изслѣдованія *всей* вообще цѣлой группы сборниковъ, обнимаемыхъ понятіемъ Уставныхъ Чтеній.

Коренной источникъ и стимулъ жизни и развитія сборниковъ этой группы—богослужебная практика Уставныхъ Чтеній. Очевидно, что именно въ памятникахъ богослужебной практики *вообще* должно прежде всего искать какъ основныхъ условій, принциповъ и нормъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ зародились и жили сборники Уставныхъ Чтеній, такъ и отдѣльныхъ моментовъ развитія этихъ сборниковъ. Очевидно, что исходнымъ пунктомъ изслѣдованія исторіи сборниковъ Уставныхъ Чтеній должно быть выясненіе того: *какъ представляются Уставныя Чтенія въ памятникахъ богослужебной практики и Церковнаго Устава.* Этому выясненію и посвящена подлежащая Вашему ученому суду моя книга.

Характеръ моей книги всецѣло опредѣляется съ одной стороны характеромъ и наличной степенью разработки тѣхъ литургическихъ памятниковъ, надъ которыми я оперировалъ, съ другой—существомъ *историко-литературныхъ* интересовъ и *назначенія* моей работы. Дѣло въ томъ, что *наличные* ли-

тургическіе памятники при *наличномъ* состояніи литургической науки не даютъ и не могутъ дать сколько-нибудь цѣльной и послѣдовательной исторіи литургической практики Уставныхъ Чтеній: исторія развитія Уставныхъ Чтеній—органической части богослужебнаго строя не мыслима въ исторіи развитія богослужебнаго строя вообще и регламентирующаго его Церковнаго Устава въ особенности, но для такой исторіи еще не пришло время: наличные литургическіе памятники слишкомъ неполны, слишкомъ отрывочны, недостаточно разработаны. Въ настоящій моментъ литургическая наука находится пока въ *предварительномъ* періодѣ собиранія, опубликованія и *частичной* разработки *отдельныхъ* литургическихъ памятниковъ. *Взаимоотношеніе* этихъ памятниковъ со стороны описываемаго ими богослужебнаго строя остается пока невыясненнымъ, сколько-нибудь прочно, но лишь намѣчается проблематически; такъ обстоитъ дѣло даже съ основнымъ и центральнымъ вопросомъ всѣхъ литургическихъ построений: о взаимоотношеніи двухъ основныхъ развѣтвленій монастырскаго строя и Устава—Студійскаго и Іерусалимскаго; не лучше съ вопросомъ о взаимоотношеніи памятниковъ соборно-приходскаго строя службы—Уставовъ Великой Церкви Константинопольской и Іерусалимской Святогробской—между собою и въ отношеніи къ монастырскому уставу. Но особенно плохо дѣло съ данными по исторіи богослуженія до IX вѣка: здѣсь данныя настолько отрывочны и скудны, что связывать ихъ сколько-нибудь послѣдовательно можно только путемъ очень смѣлыхъ гипотезъ, основанія которыхъ висятъ болѣе, чѣмъ наполовину въ воздухѣ.—При такомъ положеніи дѣла представители литургической науки, въ частности такіе выдающіеся русскіе литургисты, какъ покойный профессоръ нашей Академіи Мансветовъ, и нынѣ здравствующіе корееи русской литургической науки А. А. Дмитріевскій и М. Н. Скабаллановичъ въ трудахъ, посвященныхъ „исторіи Ц. Устава“, даютъ не исторію развитія *богослужебнаго строя*, и не исторію *послѣдовательнаго органическаго развитія* Устава, какъ литературнаго памятника, но лишь *сравнительное историческое изложеніе содержанія памятниковъ литургической практики*, сопровождаемое въ сущности отрывочными и гипотетическими заключеніями о взаимоотношеніи самыхъ памятниковъ и изло-



женнаго въ нихъ богослужебнаго строя. Стоя на уровнѣ современныхъ научно-литургическихъ построеній, въ предѣлахъ научной возможности, и я, съ своей стороны, и въ отношеніи къ своему предмету, очевидно, долженъ былъ сдѣлать то же самое: дать сравнительное обзорѣніе и анализъ литургическихъ памятниковъ богослужебной практики Уставныхъ Чтеній, пытаюсь, однако, попутно и частично, по мѣрѣ открывающейся возможности, освѣтить отдѣльныя стадіи развитія богослужебной практики Чтеній. Это именно и представляетъ моя книга.

Поставивъ себѣ задачей сравнительное обзорѣніе и анализъ памятниковъ литургической практики чтеній, я естественно долженъ былъ дать это обзорѣніе и анализъ памятниковъ *въ той послѣдовательности, въ какой эти памятники наиболее освѣщаютъ другъ друга и даютъ наиболее устойчивыя и связныя заключенія по исторіи развитія литургической практики Уставныхъ Чтеній.* Этимъ обусловливается планъ моей книги. Первые двѣ трети книги я посвящаю сравнительному аналитическому обзору наиболее опредѣленныхъ памятниковъ *двухъ* основныхъ развѣтвленій богослужебнаго строя и Церковнаго Устава—Студійско-Константинопольскаго и Іерусалимскаго. Выводы изъ этого анализа даютъ точку опоры для послѣдовательнаго обзорѣнія и анализа въ послѣдней трети моей книги *всѣхъ* остальныхъ менѣе опредѣленныхъ и полныхъ и даже совершенно отрывочныхъ памятниковъ и свидѣтельствъ отъ начала христіанскаго богослуженія и до нашего времени. При такомъ построеніи моей работы мнѣ удалось сдѣлать и, кажется, научно обосновать цѣлый рядъ, по моему мнѣнію, цѣнныхъ заключеній. Общіе мои выводы сводятся къ тремъ слѣдующимъ.

Оказалось:

1. Уставныя Чтенія въ строѣ богослуженія представляютъ вовсе не второстепенный, несущественный, малозначительный элементъ, какъ это кажется съ точки зрѣнія дѣйствующей практики, *а одинъ изъ крупнѣйшихъ, первостепенныхъ элементовъ, существенно связанный съ организмомъ богослужебнаго строя и имѣющій специально-дидактическій характеръ.*

2. Каждое изъ основныхъ развѣтвленій Церковнаго Устава

и богослужебнаго строя имѣеть свою *опредѣленную* по строю и составу систему чтеній, фиксирующую лишь нормальный *минимум* четьяго матеріала, но оставляющую *максимум* на произволеніе настоятеля и въ зависимость отъ мѣстныхъ условій <sup>1)</sup>.

3. Системы чтеній *всѣхъ* уставовъ при *всѣхъ* своихъ различіяхъ находятся въ *несомнѣнномъ сродствѣ* <sup>2)</sup>, имѣють общую основу, восходящую къ самому началу христіанскаго богослуженія.

Въ частности непосредственные главнѣйшіе результаты моихъ изысканій заключаются въ слѣдующемъ.

1. Анализъ системы чтеній двухъ единственныхъ полныхъ представителей константинопольскихъ ктиторскихъ типиконъ—Алексѣевского 30-хъ годовъ XI столѣтія и Евергетидскаго половины XII ст. открылъ замѣчательнѣйшій литературный фактъ: оказалось, списокъ и расписаніе четьихъ произведеній Алексѣевского Устава почти полностью и въ неизмѣнномъ видѣ входитъ въ составъ такого же списка и расписанія Евергетидскаго Типикона, образуя въ немъ *основное примитивное ядро*.

2. Изученіе греческихъ и славянскихъ списковъ *Іерусалимскаго* Устава показало, что всѣ списки воспроизводятъ, съ небольшими лишь вариантами, *одинъ и тотъ же* списокъ чтеній, а не каждый свой особый, какъ предполагали доселѣ историки древней письменности. Выдѣливъ путемъ сравнительнаго анализа варианты отдѣльныхъ греческихъ и славянскихъ списковъ *Іерусалимскаго* Устава, мнѣ удалось реконструировать *первоначальный списокъ чтеній первооригинала* всѣхъ наличныхъ списковъ *Іерусалимскаго* Устава, первооригинала, принадлежащаго ко второй половинѣ XII вѣка.

3. Сравнивъ этотъ реконструированный мною списокъ чтеній литературнаго первооригинала *Іерусалимскаго* Устава съ

<sup>1)</sup> Мѣстно-русскій максимумъ чтеній зафиксированъ въ монастырскихъ специальныхъ *указателяхъ* чтеній, обзорѣніе которыхъ должно войти во 2 выпускъ моего изслѣдованія. Одинъ изъ нихъ опубликованъ одновременно съ появленіемъ моей книги проф. Шляпкинымъ въ изданіи Общ. Люб. Древн. Письменности: Указецъ книгохранителя Спасо-Прилудскаго монастыря Арсенія Высокаго 1584 г. Пам. древн. письм. и искусства, СLXXXIV (1914 г.).

<sup>2)</sup> Ср. рецензію на мою книгу проф. Карабинова въ Церк. Вѣстникѣ 1914 г., № 13, ст. 411—412.

ранѣе установленнымъ *общимъ ядромъ* списковъ чтеній Алексѣевского и Евергетидскаго Уставовъ, я открылъ, что списокъ чтеній Іерусалимскаго первооригинала относится къ этому общему ядру какъ еще *болѣе примитивное*, но нѣсколько усложненное основное ядро. Выдѣливъ элементы усложненія, я получилъ возможность приблизительно реконструировать это *примитивное ядро трехъ* уставовъ, значительно предшествовавшее выросшей изъ него общей примитивной основѣ Алексѣевского и Евергетидскаго Уставовъ, и потому очевидно возникшее не позже второй половины X вѣка.

4. 5. Отыскивая генеалогію этого *примитивнаго общаго* ядра трехъ уставовъ, я подвергаю анализу наиболѣе родственныи и наиболѣе близкій Алексѣевскому Уставу литургическій памятникъ, именно связанный съ именемъ знаменитаго организатора литургической практики студійской обители преп. Теодора Студита—*Ἐποτύλωσις*, и произвожу этотъ анализъ въ тѣсной связи, съ одной стороны, съ несомнѣнно подлинными твореніями Теодора Студита, а съ другой—съ воспроизводящимъ содержаніе *Ἐποτύλωσις*-а литургическимъ памятникомъ второй половины X вѣка—*Διατύλωσις*-омъ св. Аѳанасія Аѳонскаго. Детальный текстуальный анализъ двухъ наличныхъ редакцій *Ἐποτύλωσις*-а сравнительно съ *Διατύλωσις*-омъ открылъ мнѣ, что *Διατύλωσις*, по крайней мѣрѣ въ области регламентаціи литургической практики, есть ничто иное, какъ памятникъ новой *третьей* редакціи *Ἐποτύλωσις*-а, средней между наличными: *краткой*, изданной, Maii и Migne, и *распространенной*, недавно изданной по Ватопедской рукописи Дмитріевскимъ. Я попытался путемъ сравнительнаго анализа всѣхъ трехъ редакцій *Ἐποτύλωσις*-а опредѣлить приблизительно *первоначальный* объемъ и видъ этого памятника въ литургическомъ отношеніи и нашель, что *Ἐποτύλωσις* въ наличномъ его видѣ есть плодъ *долговременнаго* коллективнаго творчества, что наличному виду предшествовало еще не менѣе двухъ редакцій, или, по крайней мѣрѣ, двухъ направлений процесса постепеннаго усложненія и видоизмѣненія текста въ X вѣкѣ и ранѣе, и что, наконецъ, регламентація чтеній есть коренная принадлежность уже первоначальнаго текста, а регламентируемый здѣсь строй чтеній совпадаетъ съ порядкомъ чтеній примитивнаго ядра всѣхъ

трехъ полныхъ уставовъ. Подвергнувъ специальному обследованію *оглашенія* св. Θεодора Студита (впервые въ ихъ полномъ объемѣ, въ какомъ они стали доступны послѣ изданія Пападопуло-Керамевсомъ второй книги Великаго Оглашенія и Петербургской Академіей русскаго перевода, съ патмосской рукописи, неизданныхъ доселѣ многихъ словъ первой и третьей частей Велик. Оглашенія), я нашелъ здѣсь данныя, съ несомнѣнностью свидѣтельствующія, что уже при св. Θεодорѣ въ его студійской обители существовалъ тотъ же по существу общій строй и составъ чтеній, какой указанъ въ *Υποτίκωσις*-ѣ и характеризуетъ примитивную основу трехъ монастырскихъ уставовъ. Такимъ образомъ, мнѣ удалось установить, что примитивное ядро системъ чтеній всѣхъ трехъ Уставовъ восходитъ къ первой четверти IX вѣка.

6. Анализъ другихъ древнѣйшихъ памятниковъ *монастырскаго* богослужебнаго строя, именно памятниковъ западной половины греческаго Востока: 1) только что въ 1909 году открытаго Аеонскаго „Великаго Синаксаря“ XI вѣка и 2) ктиторскихъ типиконовъ южно-италійскихъ монастырей восточнаго обряда отъ XII вѣка и позднѣйшихъ (въ отрывкахъ изданныхъ въ *Ad Turis*а Тоскани и въ *Тυλική* Дмитріевскаго) даетъ основанія полагать, что ихъ строй чтеній имѣетъ въ основѣ примитивное ядро трехъ Уставовъ уже въ томъ *позднѣйшемъ* его видѣ, въ какомъ оно легло въ основу лишь Алексѣевскаго и Евергетидскаго Уставовъ. Въ частности, составъ чтеній южно-италійскихъ типиконовъ даетъ основанія полагать, что эта древняя основа Алексѣевскаго и Евергетидскаго Уставовъ заимствована въ южно-италійскіе монастыри съ Аеона; во всякомъ случаѣ составъ и распорядокъ чтеній всѣхъ южно-италійскихъ типиконовъ имѣетъ характерныя особенности аеонской практики Великаго Синаксаря, а вторая редакція кромѣ того слѣды вліянія Іерусалимскаго Устава.

7. Анализъ памятниковъ *соборно-приходскаго* богослужебнаго строя IX—X вѣковъ—Устава Великой Церкви Константинопольской и Устава Святогробской Іерусалимской Церкви обнаруживаетъ, что системы чтеній въ *первомъ*—по строю и составу, а во-второмъ—только по составу, рѣзко отличны отъ системы, характеризующей общее примитивное ядро трехъ главнѣйшихъ монастырскихъ уставовъ, но что, въ то же

время, несомнѣнно, имѣють съ этимъ ядромъ монастырскихъ уставовъ начала IX вѣка общую основу, восходящую къ первымъ вѣкамъ христіанства.

8. Исходя изъ установленнаго мною представленія примитивнаго ядра чтеній монастырскихъ уставовъ начала IX вѣка, я спускаюсь въ темную для исторіи богослуженія эпоху первыхъ восьми вѣковъ, отъ которой имѣются лишь очень отрывочныя свѣдѣнія по исторіи богослуженія вообще и совершенно скудныя и мало опредѣленныя по исторіи Уставныхъ Чтеній. Уставныя Чтенія, оказывается, представляютъ нѣчто совершенно отличное и по своей идейной основѣ, и по происхожденію отъ печальнаго обычая замѣны собственныхъ живыхъ проповѣдей готовыми чужими; не отъ этого жалкаго *testimonium paupertatis* ведетъ свою генеологію богослуженная практика Уставныхъ Чтеній, какъ это принято думать. Источниками ихъ жизни являются два элемента первохристіанскаго богослуженія: *длинные* (*longiores lectiones*) библейскія чтенія, съ одной стороны, и чтеніе *дѣловыхъ* письменныхъ актовъ въ видѣ дѣловыхъ посланій, мученическихъ актовъ—съ другой. Съ появленіемъ монашества эти два элемента получили различное развитіе въ монашескомъ богослуженіи и въ соборно-приходскомъ, при чемъ въ монашескомъ Уставныя Чтенія развились преимущественно изъ длинныхъ библейскихъ чтеній, которыя собственно и составляютъ первичный основной элементъ Чтеній, а въ приходскомъ—на корнѣ дѣловыхъ чтеній изъ мученическихъ актовъ. Святоотеческія толкованія Свящ. Писанія вошли въ систему чтеній взамѣнъ длинныхъ библейскихъ чтеній Свящ. Писанія, какъ ихъ эквиваленты; другія нравоучительныя творенія св. отцевъ вошли по внутренней связи съ толковательными ихъ твореніями. Мученія и житія святыхъ вошли въ богослуженный строй, какъ однородныя съ мученическими актами; похвальныя праздничныя слова — какъ однородныя съ житіями и мученіями. *По своей идейной сущности* Уставныя Чтенія являются такимъ же *спеціально-дидактическимъ* элементомъ богослуженія, какъ и *проповѣдь* вообще. Но здѣсь дидактическій элементъ гораздо высшаго авторитета, чѣмъ въ живомъ словѣ отдѣльнаго частнаго лица, всегда способнаго погрѣшить въ своихъ сужденіяхъ. Учительное слово Уставныхъ Чтеній, слово *не личнаго* частнаго погрѣ-

шающаго авторитета, но непогрѣшимаго авторитета заступающей мѣсто Свящ. Писанія *церковной книги*. Уставныя Чтенія въ богослужебномъ строѣ являются своеобразной *проповѣдью книги*, возвѣщающей вѣчныя и непереходящія истины церковной вѣры и жизни, не въ замѣнъ, а въ дополненіе, или, вѣрнѣе, въ обоснованіе *проповѣди* живой, возвѣщающей конкретныя пути примѣненія вѣчныхъ и непереходящихъ истинъ къ наличнымъ условіямъ каждаго наличнаго момента жизни.

Таковы *главнѣйшіе непосредственные* результаты моей работы. Интересъ ихъ, какъ я уже сказала, двусторонній и прежде всего, конечно, въ направленіи *историко-литургическихъ* проблемъ.

Историко-литургическій интересъ моихъ выводовъ обуславливается тѣмъ, что я оперирую надъ отдѣломъ уставной регламентации не только первостепенной важности, но и состоящимъ изъ наиболѣе опредѣленныхъ и твердыхъ звеньевъ (наименованій произведеній), въ отношеніи которыхъ послѣдовательное совпаденіе отдѣльныхъ уставовъ не можетъ быть случайнымъ, а необходимо предполагаетъ прямую генетическую зависимость ихъ отъ одного общаго источника.

Совершенно невозможно, чтобы редакторъ Евергетидскаго Устава совершенно самостоятельно набралъ тотъ же самый составъ произведеній, что и авторъ Алексѣевского, и при томъ распредѣлилъ этотъ составъ точь-въ-точь такъ же, какъ и этотъ послѣдній; тутъ можетъ быть только одно объясненіе: редакторъ позднѣйшаго, Евергетидскаго Типикона, несомнѣнно неимѣвшій подъ руками Алексѣевского Устава (такъ какъ всѣ свои источники онъ указываетъ) заимствовалъ основной составъ и распорядокъ четьяго матеріала изъ общаго съ Алексѣевскимъ Уставомъ источника, существовавшаго не только до Алексѣевского Устава, т. е. до 30 годовъ XI ст., но и *послѣ* появленія этого Устава, однако независимо отъ него, даже до половины XII вѣка— времени происхожденія нынѣшней редакціи Евергетидскаго Типикона. Итакъ, мы уже имѣемъ фактъ чрезвычайной важности: оказывается, ктиторскій Евергетидскій Типиконъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ своихъ важнѣйшихъ отдѣловъ, имѣетъ въ своей основѣ какой-то *общій* источникъ съ ктиторскимъ Алексѣевскимъ, какую то *общую богослужебную*

*практику*, существовавшую до Алексѣвскаго Устава и послѣ его появленія *независимо* отъ него; при чемъ эта *общая* практика и тѣмъ и другимъ Уставомъ описывается не какъ откуда то заимствованная, а какъ собственная практика родины того и другого Уставовъ—Алексѣвскаго и Евергетидскаго монастырей. Что же это за практика, никому монастырю въ частности не принадлежавшая, но дѣйствовавшая въ каждомъ монастырѣ, какъ своя? Мнѣ кажется,—отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Это—практика *общая монастырская* для всѣхъ константинопольскихъ монастырей, установившаяся, очевидно, еще до начала XI вѣка. Такимъ образомъ, получается возможность установить, не только то, что Алексѣвскій и Евергетидскій ктиторскіе типиконы возникли на почвѣ одной *общей* литургической практики, но и что это была не какая-либо особенная, но общемонастырская практика, установившаяся еще до XI вѣка.

Этотъ мой тезисъ, бросаетъ, по моему мнѣнію, нѣсколько новыхъ свѣтъ на важнѣйшія проблемы литургической науки. Въ литургической наукѣ центральная проблема первостепенной важности—вопросъ о характерѣ Студійскаго Устава и студійскаго типа богослужебнаго строя въ его отличіе отъ Іерусалимскаго. По заявленію нашего выдающагося современнаго литургиста проф. Дмитріевскаго „безъ опредѣленнаго и яснаго рѣшенія—что такое студійскій Синаксарь, или Уставъ и каковы его отличительныя особенности—дальнѣйшая работа надъ историческою судьбою нашего типикона невозможна“ <sup>1)</sup>. До работъ проф. Дмитріевскаго представителемъ студійскаго устава считался Алексѣвскій Уставъ; таковъ взглядъ покойныхъ профф. нашей Академіи Горскаго, Мансветова, Голубинскаго <sup>2)</sup>. Дмитріевскій выступилъ съ тезисомъ, что этотъ уставъ вовсе не есть собственно студійскій, а ктиторскій, составленный, какъ и всѣ ктиторскіе типиконы, изъ *разныхъ* элементовъ и лишь между прочимъ изъ элементовъ студійскаго строя <sup>3)</sup>. Два-три года назадъ тезисъ Дмитріевскаго по-

<sup>1)</sup> Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока. Т. I. *Толки*. (Кіевъ, 1895), СХLIII.

<sup>2)</sup> См. Прот. М. Лисицына „Первоначальный славяно-русскій типиконъ“. Историко-археологическое изслѣдованіе. (СПБ. 1911), стр. II—VIII; 167—172.

<sup>3)</sup> Рецензія на книгу проф. Мансветова. Хр. Чт. 1888 г, Сент.—Окт., стр. 499. *Толки*, XXXV.

лучилъ специальное обоснованіе въ изслѣдованіи прот. Лисицына „Первоначальный славяно-русскій типиконъ“, гдѣ утверждается, что Алексѣевскій Уставъ имѣетъ столько же близости къ уставу Студійскому, сколько и къ уставу Великой Церкви и къ разнымъ другимъ <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, мы лишаемся единственнаго памятника, который представлялъ бы намъ полный студійскій строй службы. Но противъ тезиса Дмитріевскаго и Лисицына рѣшительно возсталъ проф. Скабаллановичъ, который въ рецензіи на кн. Лисицына отстаиваетъ старый взглядъ на Алексѣевскій Уставъ, какъ на студійскій <sup>2)</sup>. Моя книга въ этомъ ученomъ спорѣ вноситъ данныя, утверждающія старую позицію, занятую теперь Скабаллановичемъ. Противъ положеній Дмитріевскаго и Лисицына, Скабаллановичъ высказываетъ прежде всего то *априорное* соображеніе, что ктиторы-авторы ктиторскихъ типиконовъ могли лишь записывать *существующій* богослужебный строй, но не могли создавать, сочинять свой собственный. Установленный въ моей книгѣ тезисъ даетъ фактическое обоснованіе априорнаго предположенія Скабаллановича: Алексѣевскій Уставъ, какъ и другой ктиторскій же типиконъ—Евергетидскій, дѣйствительно воспроизводятъ *дѣйствующую общемонастырскую* константинопольскую практику. Если, продолжаетъ далѣе проф. Скабаллановичъ, патріархъ Алексѣй записалъ уже дѣйствующій богослужебный строй, то это строй несомнѣнно былъ студійскій, такъ какъ патріархъ Алексѣй былъ изъ епископовъ студійской обители и въ самомъ Константинополѣ во второй половинѣ XI вѣка, (какъ видно изъ дѣла полученія устава на Руси преп. Θεодосіемъ Печерскимъ), уставъ Алексѣя считался студійскимъ. Этотъ доводъ Скабаллановича былъ бы рѣшительнымъ, если бы противъ не стоялъ одинъ фактъ, не допускающій, повидимому, совершенно возможности считать Алексѣевскій уставъ студійскимъ; дѣло въ томъ, что въ Уставѣ патр. Алексѣя не разъ порядки студійскаго монастыря противоплагаются описываемому въ уставѣ строю, какъ нѣчто отличное, столь же

<sup>1)</sup> „Перв. слав.-русск. типиконъ“, особенно стр. 267—279, 280, 349, 355, 167, 168, 198, 208, 220, 230, 235, 235—6, 254, 262.

<sup>2)</sup> Журналы Совѣта Кіевск. Дух. Ак. 1910—11 акад. года; журналъ 9 іюня 1911 г., стр. 441—442. Сравн. въ нашемъ изслѣдованіи стр. 38—39 прим.



особое, какъ и порядки Устава Великой Церкви <sup>1)</sup>. Если бы патріархъ Алексѣй описывалъ именно студійскій богослужебный строй, онъ не могъ бы отличать этотъ строй отъ строя студійской обители—таковъ главный доводъ Дмитріевскаго и Лисицына, не устраненный Скабаллановичемъ, и повидимому, не устранимый. Мой тезисъ, мнѣ кажется, совершенно устраняетъ эту неприступную цитадель противниковъ студійскаго характера Алексѣевского Устава. Если, какъ я установилъ, Алексѣевскій (какъ и Евергетидскій) Уставъ фиксируетъ дѣйствующую *общемонастырскую* практику, установившуюся до XI вѣка, то какова была эта практика мы можемъ заключить изъ *Υποτύλωσις*-а и *Διατύλωσις*-а—памятниковъ IX—X вѣковъ: по ихъ свидѣтельству, большинство монастырей издавна усвоило богослужебную практику именно студійскаго монастыря. Итакъ, общемонастырская практика ко времени патр. Алексѣя была студійскою по своему первоначальному происхожденію и характеру; и именно эту *общемонастырскую* студійскую практику описываетъ патр. Алексѣй въ своемъ Уставѣ. Но на ряду съ этой *общемонастырской* студійской практикой должна была существовать студійская практика въ самомъ студійскомъ монастырѣ—*мѣстно*—студійская практика, какъ она жила и развивалась вѣками безысходно въ стѣнахъ студійской обители и естественно получила нѣкоторыя мѣстныя особенности отъ общемонастырскаго. Практика студійскаго монастыря была, конечно, для всѣхъ другихъ монастырей самымъ авторитетнымъ живымъ образцемъ, но отнюдь не безусловно во всемъ обязательнымъ закономъ для ихъ собственной богослужебной практики. Но поскольку строй студійской обители былъ тождествененъ со студійскимъ строемъ, дѣйствовавшимъ во всѣхъ монастыряхъ, онъ сознавался тамъ *не какъ студійскій, а какъ общецерковный*; студійскими лишь признавались *мѣстныя особенности*, дѣйствовавшія въ студійскомъ монастырѣ. Это именно мы и видимъ въ уставѣ патріарха Алексѣя; копируя точнѣйшимъ, почти механическимъ образомъ для своего монастыря практику студійской обители <sup>2)</sup>, онъ не

<sup>1)</sup> Лисицынъ, Перв. слав. русск. типиконъ, стр. 236, 268, 277, 278, 279 и друг.

<sup>2)</sup> См. въ нашемъ изслѣдованіи стр. 39 прим.

представляетъ ее собственно-студійской, поскольку она являлась для него тождественной съ общепринятой практикой *всѣхъ* монастырей, но поскольку практика студійскаго монастыря въ нѣкоторыхъ деталяхъ слишкомъ рельефно отличалась отъ общепринятой, онъ, перенося ихъ въ свой Уставъ, отличалъ ихъ какъ собственную принадлежность студійской обители, *собственно ихъ называя студійскими*. Такимъ образомъ, Уставъ патр. Алексѣя есть воспроизведеніе практики студійскаго монастыря начала XI вѣка, какъ въ ея общецерковной сущности, такъ и въ ея мѣстныхъ особенностяхъ.

Не менѣе важный выводъ слѣдуетъ въ отношеніи Евергетидскаго Типикона. Если доселѣ господствовалъ взглядъ проф. Дмитріевскаго <sup>1)</sup> и Красносельцева <sup>2)</sup>, что Евергетидскій Типиконъ созданъ на основѣ Устава Великой Церкви, и лишь приуроченъ къ монастырскому быту и богослуженію, то теперь мы имѣемъ важное доказательство болѣе правильной точки зрѣнія Скабаллановича, что это есть Уставъ „въ общемъ студійскій“. Судя по системѣ чтеній, Евергетидскій Типиконъ представляетъ общемонастырскую студійскую практику въ томъ видѣ, какого она (вышедши еще до Алексѣевского устава за стѣны Студ. обители) достигла между концомъ XI и серединой XII вѣка подъ сильнымъ *вліяніемъ* Устава Великой Церкви и Иерусалимской богослужебной практики.—Съ признаніемъ этихъ вещей положеній теряется особая необходимость предпринятыхъ нашимъ знаменитымъ литургистомъ (А. А. Дмитріевскимъ) поисковъ цѣльныхъ списковъ студійскаго типикона, т.-е. такихъ списковъ, которые были бы сдѣланы специально для студійскаго монастыря и находились бы въ этомъ монастырѣ въ практическомъ употребленіи въ болѣе или менѣе длинные промежутки времени“ <sup>3)</sup>. Вѣдь этимъ искомымъ спискамъ придается значеніе въ предположеніи, что они точнѣе всего должны представлять студійскую практику *общецерковную* <sup>4)</sup>, между тѣмъ (какъ слѣдуетъ изъ моего утвержденія) это

1) *Толки*, XLII.

2) Рецензія на *Толки* проф. Дмитріевскаго. Византійскій Временникъ IV, 1897, 898.

3) Красносельцевъ. Рецензія на *Толки* проф. Дмитріевскаго. Визант. Временникъ IV (1897) стр. 605.

4) Лисицынъ, Перв. слав.-русск. типиконъ, стр. 208, 268, 279.

предположеніе совершенно ошибочно: такіе списки были бы просто *мѣстно-студійскимъ* уставомъ и выражали бы общецерковную практику не только не больше, но едва ли не менѣе, чѣмъ ктиторскіе типиконы Алексѣевскій и Евергетидскій <sup>1)</sup>. Если же Алексѣевскій и Евергетидскій Уставы представляютъ именно *общецерковный* монастырскій богослужебный студійскій строй разныхъ лишь моментовъ его развитія, то *вопросъ о характерныхъ особенностяхъ этого строя долженъ получить совершенно иную постановку, чѣмъ онъ имѣлъ досель*. Онъ отнюдь не долженъ быть ставимъ какъ вопросъ о характерныхъ особенностяхъ богослужебной практики собственно студійскаго монастыря, каковой вопросъ имѣетъ болѣе частный интересъ, но какъ вопросъ о характерныхъ особенностяхъ *константинопольской* общецерковной богослужебной практики, ведущей свой корень изъ студійской обители. Такъ какъ въ разное время эти особенности терпѣли измѣненія и усложненія, то и самый этотъ вопросъ долженъ стать вопросомъ о томъ, что въ студійскомъ строѣ, представленномъ наличными студійскими уставами, есть болѣе древнее и что болѣе позднее. Для выясненія послѣдняго вопроса уставы Алексѣевскій и Евергетидскій, какъ отражающіе различные моменты состоянія константинопольской общецерковной студійской практики, даютъ изслѣдователю полную возможность.

Съ произведеніемъ этой работы открылась бы затѣмъ возможность возстановленія древнѣйшей основы богослужебнаго строя темной эпохи до IX в. и отдѣльныхъ стадій развитія и взаимодѣйствія студійскаго и іерусалимскаго богослужеб-

---

<sup>1)</sup> Весьма близко подходитъ къ этой мысли проф. Красносельцевъ, когда заявляетъ по поводу понсковъ Дмитріевскаго „цѣльнаго“ студійскаго типикона: „Безспорно найти такой списокъ чрезвычайно важно и было бы весьма хорошо, если бы онъ былъ найденъ; еще лучше было бы если бы найдено было нѣсколько такихъ списковъ изъ разныхъ вѣковъ начиная съ IX по XIII. Тогда... узнали бы, можетъ быть, что наши древніе славянскіе переводы суть точные переводы именно цѣльнаго студійскаго типикона и что типикъ этотъ уже и въ XI в. содержалъ въ себѣ и посторонніе элементы, былъ до нѣкоторой степени компилятивнымъ, такъ какъ слѣды взаимовліянія типиконовъ въ церковныхъ мы замѣчаемъ уже въ X в.; напримѣръ, въ Іерусалимскомъ уставѣ богослуженія страстной седмицы мы находимъ уже ссылку на уставъ Романійскій“ (Визант. Врем. IV, (1897) стр. 105).

наго строя. Моя работа надъ составомъ чтеній показала, что для этого необходимо сравнить *коренное* содержаніе студійской практики—съ одной стороны, и позднѣйшее—съ другой съ богослужебнымъ строемъ литературнаго памятника извѣстнаго подъ именемъ Іерусалимскаго Устава, возстановивши сначала содержаніе первооригинала наличныхъ списковъ путемъ обстоятельнаго сравнительнаго текстуальнаго ихъ анализа. Элементы тождества Іерусалимскаго Устава съ *кореннымъ* содержаніемъ студійской практики будутъ означать, говоря вообще, содержаніе ихъ общаго источника, т. е. церковной практики до IX вѣка; элементы тождества Іерусалимскаго Устава съ позднѣйшимъ содержаніемъ студійской практики будутъ означать результаты позднѣйшаго взаимовліянія студійской и іерусалимской богослужебныхъ практикъ. Работа въ этомъ направленіи въ цѣломъ—дѣло специальныхъ служителей литургической науки. Я произвелъ ее лишь въ отношеніи наиболѣе пригоднаго для этой цѣли элемента богослужебнаго строя—состава Уставныхъ Чтеній, и, мнѣ кажется, достаточно выяснилъ, что въ этомъ направленіи работа возможна и обѣщаетъ богатые результаты на пути вскрытія исторіи происхожденія и развитія богослужебнаго строя и Устава.

Нѣкоторую долю ожидаемыхъ результатовъ даетъ, или же, по крайней мѣрѣ, опредѣленно намѣчаетъ уже моя настоящая работа.

Кромѣ вышеуказанныхъ, важнѣйшій результатъ моей работы здѣсь въ томъ, что я въ системѣ чтеній установилъ новый и наиболѣе опредѣленный критерій для различенія основныхъ отраслей Церковнаго Устава. Какъ извѣстно, признаки для отличія Студійскаго Устава отъ Іерусалимскаго, указанныя доселѣ, начиная отъ Никона Черногорца XI в. и кончая трудами Мансветова <sup>1)</sup> и Дмитріевскаго <sup>2)</sup>, не имѣютъ достаточной устойчивости и опредѣленности. Данные мною списки чтеній характернѣйшимъ образомъ отличаютъ студійскую и іерусалимскую отрасли уставовъ между собою и въ отношеніи другихъ Достаточно иногда

<sup>1)</sup> Церковный Уставъ (типиконъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви (М. 1885), стр. 75—83.

<sup>2)</sup> Рецензія на книгу Мансветова. Хр. Чл. 1888 г. Сент.—Окт., стр. 510—522.

справиться въ моей книгѣ, чтобы опредѣлить довольно рѣшительнымъ образомъ, къ какой отрасли принадлежить или преимущественно тяготѣеть данный литургическій памятникъ. Укажу нѣсколько примѣровъ.

I. Въ недавно вышедшемъ солидномъ изслѣдованіи прот. Лисицына „Перв. слав. русскій типиконъ“ почтенный изслѣдователь впадаетъ въ жестокою ошибку, признавая Уставъ XIV в. Имп. Публ. Библиотеки № 39, т. н. Дечанскій, за своеобразный ктиторскій сербскій типиконъ, параллельный студійской и іерусалимской отраслямъ Церковнаго Устава. На такое утвержденіе подвинулъ автора рядъ особенностей, присущихъ этому памятнику, сравнительно съ болѣе поздними редакціями Іерусалимскаго Устава <sup>1)</sup>. Между тѣмъ достаточно заглянуть въ мои списки чтеній, чтобы съ очевидностью убѣдиться, что Дечанскій уставъ есть просто одинъ изъ древнихъ списковъ сербской редакціи Іерусалимскаго Устава—точнѣйшей копіи древней греческой редакціи <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Перв. слав.-русск. типиконъ, стр. 320—335. Послѣ, въ отвѣтъ на возраженіе проф. Скабаллановича авторъ отказался отъ своего взгляда (см. Труды Кіевск. Ак. 1913 г., январь). Мы прослѣдили за судьбою приведенныхъ у о. Лисицына особенностей Дечанскаго устава по ряду греческихъ и славянскихъ списковъ Іерусалимскаго Устава и сдѣлали любопытныя для исторіи Устава наблюденія. Для примѣра укажу на два. 1. Дечанскій уставъ указываетъ совершеніе литургіи преждеосвященныхъ Даровъ на кануны праздниковъ 2 и 24 февраля, 9 и 25 марта, если эти кануны случаются „въ постъ“; современный уставъ этого обычая не знаетъ, — однако онъ указанъ напрямъ въ греч. списокѣ Синод. б. № 456, сербскомъ списокѣ Рум. Музея № 1458 и русскомъ Син. б. № 328—XIII—XIV вв. 2. Интересное замѣчаніе Дечанскаго устава относительно причины повторенія на литіи всеобщаго бдѣнія 8 мая стихиръ—„Сына громава“, о которомъ о. Лисицынъ полагаетъ, что „оно ставитъ насъ прямо лицомъ къ лицу съ составителемъ Дечанскаго „устава“ (стр. 325), на самомъ дѣлѣ—греческаго происхожденія. Оно появляется уже въ греч. списокѣ № 456 (л. 89), однако только въ качествѣ глоссы на полѣ; но въ сербскомъ списокѣ Рум. Музея № 1458 оно входитъ уже въ текстъ (л. 102 об.).

<sup>2)</sup> Чтеніе Лавсанка и Пролога на утренѣ, Лѣствицы—на часахъ 3, 6 и 9 великаго поста (см. Перв. сл. русск. тип., стр. 326) есть характерная особенность Іерусалимскаго Устава (см. въ нашей книгѣ, стр. 151—152). Замѣчаніе Дечанскаго устава о числѣ каѳизмъ и чтеній по Воздвиженіи (Перв. сл. русск. тип., стр. 321) буквально воспроизводитъ текстъ Іерусалимскихъ списковъ (см. въ нашей книгѣ стр. 143 прим. 3). Не менѣе характерно для Іерус. Устава указаніе подь 11 ноября на утренѣ чтенія житія св. Іоанна Милостиваго, Завѣта св. Феодора Студита на трапезѣ (См. въ Перв. сл. русск., тип., стр. 321, въ вашей книгѣ, стр. 175 и 167).

2. Составляетъ важный для исторіи Устава на Руси, 'но доселѣ не вполне выясненный вопросъ: какой чинъ воспроизводитъ Слѣдованная Псалтирь XIV вѣка, приписываемая митрополиту Киприану: студійскій или іерусалимскій? <sup>1)</sup> Моя книга вноситъ здѣсь совершенно опредѣленные данныя: воспроизводимая въ псалтири система чтеній несомнѣнно іерусалимская, а отнюдь не студійская <sup>2)</sup>.

3. Существуетъ литургическій фрагментъ, носящій заглавіе „Уставъ великія церкви св. Софіи списанъ блаженнымъ архіепископомъ Новгородскимъ Климентомъ“. Какая „великая церковь св. Софіи“ здѣсь разумѣется, неясно, но нѣкоторые литургисты, напр., Дмитріевскій <sup>3)</sup>, Лисицынъ <sup>4)</sup> и др. склонны разумѣть здѣсь Софію Константинопольскую и относить уставъ Климента къ памятникамъ Устава Великой Церкви. Богослужебный суточный строй Устава Великой Церкви доселѣ составляетъ загадку, несмотря на существованіе цѣльныхъ записей этого устава <sup>5)</sup>, и потому судить о характерѣ Устава Климента наука не имѣетъ скольконибудь рѣшительныхъ данныхъ. Моя книга вноситъ сюда довольно опредѣленный критерій. Если суточный строй Устава Великой Церкви намъ неизвѣстенъ, то суточный строй чтеній мною выясненъ опредѣленно. Уставъ Великой Церкви отнюдь не имѣетъ чтенія на утрняхъ, но имѣетъ ихъ лишь

<sup>1)</sup> См. проф. Мансветова „Митрополитъ Киприанъ въ его литургической дѣятельности“ (М. 1882), стр. 66—101.

<sup>2)</sup> Псалтирь Киприана (Рукопись Моск. Дух. Академіи № 142) указываетъ на великопостныхъ часахъ, начиная съ 3-го, чтеніе Лѣствницы (л. 271; ср. у насъ выше прим. 2), 25 марта на благослов. хлѣбовъ слово прараднику, на 6 часѣ слово Златоуста „Паки радость“, а на 9 часѣ—оглашеніе Теодора Студита (Рукоп. № 142, лл. 240 об.—241; ср. въ моей книгѣ, стр. 170—171 и прим.), въ Пасху по 3 и 6 пп. канона— слова Григорія Богослова и на цѣлованіи—Златоуста „Аще кто благочестивъ“ (Рук. № 142 л. 284 об.—285; ср. въ моей книгѣ, стр. 154—155), въ Вознесеніи на благословеніи хлѣбовъ чтеніе въ Дѣянїяхъ и на полїелеѣ похвальное киръ Андрея (Рук. № 142 л. 288 об.; ср. въ моей книгѣ стр. 153). На праздникъ Пятидесятницы, кромѣ Дѣянїй на благословеніе хлѣбовъ, полагается на полїелеѣ чтеніе, общее и студійскому и іерусалимскому Уставамъ—„чтеніе въ Богословѣ“ (№ 142 л. 200; ср. въ моей книгѣ стр. 155).

<sup>3)</sup> Рецензія, Хр. Чт. 1888 г. Сент.—Окт., стр. 543.

<sup>4)</sup> Пер. слав. русск. тип., стр. 115—123.

<sup>5)</sup> Скабаллановичъ, Толковый Типиконъ I (Кіевъ 1910), стр. 372—375.

между службами, да на панихидахъ. Между тѣмъ, уставъ Климента указываетъ чтенія именно на утренѣ (подъ 1 сентября). Очевидно, что Уставъ Климента не принадлежитъ къ собственнымъ памятникамъ Устава Великой Церкви по всѣмъ признакамъ это есть отрывокъ студійскаго устава <sup>1)</sup>.

4. Отношеніе западныхъ типиконовъ и новооткрытаго афонскаго Великаго Синаксаря къ основнымъ отраслямъ Церковнаго Устава Студійскому, Іерусалимскому и Великой Церкви составляетъ вопросъ, пока еще неразрѣшенный окончательно. Мои списки показываютъ совершенно опредѣленно, что Великій Синаксарь и западные типиконы, находясь въ тѣснѣйшемъ родствѣ, принадлежатъ несомнѣнно къ студійской отрасли и въ ней образуютъ особое развѣтвленіе (которое предполагаетъ и проф. Мансветовъ <sup>2)</sup>), параллельное Алексѣевско - Евергедтскому; вліяніе устава Великой Церкви здѣсь лишь второстепенное: таково же и вліяніе Іерусалимскаго Устава (совершенно согласно мнѣнію Мансветова) <sup>3)</sup> и при томъ собственно на вторую редакцію западныхъ типиконовъ.

Но реконструированныя мною системы чтеній не только даютъ типичные признаки для опредѣленія основныхъ и второстепенныхъ отраслей Церковнаго Устава и классификаціи литургическихъ памятниковъ, но и вскрываютъ или намѣчаютъ отдѣльные факты и моменты изъ исторіи развитія памятниковъ Церковнаго Устава. Я въ своей книгѣ даю основаніе утверждать, что мѣстомъ написанія литературнаго памятника, извѣстнаго подъ именемъ Іерусалимскаго Устава, отнюдь не былъ Константинополь, и воспроизводимый имъ богослужебный строй отнюдь не былъ списанъ съ богослужебной практики какого-либо изъ константинопольскихъ монастырей. Анализъ списковъ чтеній показываетъ, что Уставъ написанъ въ совершенно другихъ условіяхъ, приличествующихъ болѣе всего Іерусалиму. Тотъ же анализъ показываетъ, что богослужебный строй Іерусалимскаго Устава развился парал-

<sup>1)</sup> См. въ моей книгѣ стр. 51 прим. 2, Ср. Скабаллановичъ. Отрывъ о соч. прот. Лисицына. Журналы Совѣта Кіевск. Акад. 1910—1911 г., журналъ 9 іюня.

<sup>2)</sup> Церковный Уставъ, стр. 121, 124.

<sup>3)</sup> Церк. Уставъ, стр. 126.

тельно съ студійскимъ, вышедши изъ общаго съ нимъ корня не позже IX вѣка; очевидно далѣе, что и позже между обѣими отраслями было постоянное взаимовліяніе, при чемъ самымъ важнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи былъ періодъ между серединой XI и серединой XII вв. Не менѣе очевидно анализъ списковъ вскрываетъ далѣе, что іерусалимскій строй службы развивался съ бѣльшей медленностью, чѣмъ студійскій, и что, слѣдовательно, вполне справедливо предположеніе<sup>1)</sup> о бѣльшей неподвижности и вѣрности древности имени Іерусалимскаго Устава, а не Студійскаго. Сравнительный анализъ списковъ чтеній аеонскаго Великаго Синаксаря и западныхъ типиконовъ вскрываетъ, что аеонскій строй службы Великаго Синаксаря выдѣлился изъ общаго студійскаго корня еще задолго до Алексѣевскаго Устава, что, навѣрное, западные типиконы получили студійскій строй чрезъ посредство Аеона.

Наконецъ, укажу, что справки съ моими списками позволяютъ судить по составу чтеній того или другаго списка Іерусалимскаго Устава о степени древности и характерѣ той редакціи, къ которой этотъ списокъ принадлежитъ. Напримѣръ, греческій уставъ Син. б. № 381, отнесенный архіеп. Саввой къ XV в., несомнѣнно принадлежитъ къ раннѣйшей эпохѣ, къ XIII—XIV в., такъ какъ составъ чтеній въ немъ одинаковъ съ таковымъ же № 491-го Румянцевскаго Музея и № 456 Синод. б. XIII—XIV в.

Таковъ историко-литургическій интересъ непосредственныхъ результатовъ моей работы. Но, какъ я сказалъ, *моя работа преслѣдуетъ историко-литературныя задачи*, и для меня важны эти результаты въ направленіи собственно историко-гомилетическихъ литературныхъ проблемъ, проблемъ *исторіи сборниковъ Уставныхъ Чтеній*. Я вскрылъ въ моей книгѣ сущность, принципы, нормы и отдѣльныя стадіи развитія основнаго источника и стимула жизни и развитія сборниковъ Уставныхъ Чтеній—богослужебной практики чтеній, какъ она опредѣляется въ литургическихъ памятникахъ. Я нашелъ въ этихъ же литургическихъ источникахъ нѣкоторыя прямыя данныя о видѣ и составѣ сборниковъ въ отдѣльные моменты ихъ развитія. Для историка сборниковъ Уставныхъ Чтеній моя

<sup>1)</sup> Скабаллановичъ, Толк. Тип. I, 410.



книга должна служить исходнымъ пунктомъ и справочнымъ руководствомъ при выясненіи какъ общаго типа, общаго характера отдѣльныхъ сборниковъ, такъ и отдѣльныхъ стадій ихъ формаціи, распространенія и вліянія. Вся система реконструкціи списковъ чтеній, отдѣльныхъ литургическихъ памятниковъ и отдѣльныхъ ихъ наслоеній обусловливается у меня именно этимъ назначеніемъ моей книги. Я конструирую списки по тремъ кругамъ церковнаго года не только потому, что это соотвѣтствуетъ дѣленію самого богослужебнаго послѣдованія (но не вполне порядку уставнаго изложенія), а прежде всего потому, что каждый изъ этихъ круговъ обусловливаетъ собою существованіе и развитіе особыхъ родовъ учительныхъ сборниковъ; въ кругѣ минейномъ я различаю специально-учительную и житійно-повѣствовательную группы, такъ какъ первая имѣетъ значеніе для исторіи развитія Панигирикона-Торжественника минейнаго, а вторая Четьихъ-Миней. Самое важное въ этихъ спискахъ для исторіи сборниковъ и вообще древней письменности это то, что въ нихъ отмѣчены не только надписанія произведеній, но и ихъ начальныя слова, точно опредѣляющія и ту редакцію каждаго изъ нихъ, какая имѣется въ виду. Литературно-библіографическій смыслъ каждаго такого титула уставной регламентаціи чтеній я раскрываю путемъ указанія одного или нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ печатныхъ изданій, а въ случаѣ отсутствія ихъ—рукописныхъ источниковъ въ которыхъ соотвѣтствующая данному титулу редакція того или другого литературнаго памятника находится въ оригинальномъ или переводномъ (греческомъ, латинскомъ, русскомъ, славянскомъ) текстахъ. Конкретно значеніе моей работы въ этомъ ея специальномъ назначеніи вполне можетъ выясниться лишь въ самомъ процессѣ изслѣдованія состава сборниковъ Уставныхъ Чтеній <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Сужденія общаго характера въ этомъ отношеніи сдѣланы въ рецензіяхъ на мою книгу Н. К. Никольскаго (Библіографическая лѣтопись. В. I. 1914 г., стр. 44—47), А. И. Яцимирскаго (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1914 г., № 2, стр. 621—623. Ср. Извѣстія Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Академіи Наукъ, т. XVI (1911), кн. 2, стр. 206), М. Н. Скабаллановича (Труды Кіевск. Акад. 1914, май, стр. 148—150) См. также В. В. Латышева, Двѣ рѣчи Θεодора Дафнопата. Прав. Палест. Сборникъ, в. 59 (1910), стр. LIII—LVII; Н. Ф. Красносельцева, Рецензія на кн. Дмитріевскаго, Визант. Временникъ IV (1897), стр. 608; И. Е. Евѣева, Очерки по исторіи славянскаго перевода Библии. Хр. Чт. 1912, ноябрь, стр. 1285.

Изъ многихъ возможныхъ примѣненій результатовъ моей работы въ этомъ специальномъ ея назначеніи сейчасъ укажу лишь на одну изъ наиболѣе животрепещущихъ, любопытнѣйшихъ и вмѣстѣ сложнѣйшихъ чередныхъ историко-литературныхъ проблемъ. Я разумѣю вопросъ объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Симеона Метафраста въ области Четихъ-Миней. Рядъ попытокъ, предпринятыхъ въ настоящее время на западѣ Ehrhard-омъ, Delehaue <sup>1)</sup>, у насъ Васильевскимъ, Латышевымъ, прот. Кекелидзе <sup>2)</sup>, установить: какія именно редакціи житій принадлежатъ Метафрасту, пока не привелъ къ вполнѣ устойчивымъ результатамъ. Списки житій моей книги вносятъ любопытнѣйшія данныя, отчасти подвигающія рѣшеніе вопроса, отчасти намѣчающія здѣсь новыя перспективы. Симеонъ Метафрастъ работалъ надъ Четей-Минеей въ послѣдней четверти X вѣка, Уставъ патр. Алексѣя составленъ въ 30-хъ годахъ XI столѣтія, т.-е. не позднѣе какъ 30 лѣтъ спустя со дня смерти Симеона Метафраста. Уже теоретически трудно допустить, чтобы авторъ Устава—патріархъ, интересуясь житійно-повѣствовательной литературой, могъ быть незнакомъ съ работой такого славнаго придворнаго писателя - вельможи, какъ Симеона. Если Вы теперь посмотрите приведенный у меня списокъ произведеній житійно-повѣствовательной группы Алексѣевского Устава и обратите вниманіе на мои примѣчанія къ тѣмъ изъ этихъ произведеній, которыя отмѣчены съ начальными словами, Вы увидите любопытнѣйшій фактъ: всѣ они (числомъ 22), кромѣ трехъ, выступаютъ именно въ тѣхъ редакціяхъ, которыя изданы Migne въ числѣ метафрастовскихъ въ CXIV—CXVI томахъ, согласно списку, составленному на основаніи изученія рукописей Алляціемъ: три (на 6 и 20 сентября, 21 окт.), не отмѣченныя здѣсь также числятся въ спискѣ приписываемыхъ Метафрасту Delehaue въ изданіи Болландистовъ—*Bibliotheca Hagiographica Graeca*, ed. 2 (1909). Мнѣ кажется, что отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что патріархъ Алексѣй воспроизводилъ въ своемъ спискѣ именно составъ метафрастовскихъ Четихъ-Миней. Но кому другому.

<sup>1)</sup> Литература см. *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, ed. 2 (Bruxellis 1909), p. 269—275.

<sup>2)</sup> Христ. Востокъ, I (СПБ. 1912), стр. 325—347. Извѣстія Импер. Академіи Наукъ, серія VI, № 4 (1913), стр. 231—240.

какъ именно патріарху, дѣйствовавшему непосредственно послѣ смерти знаменитаго вельможи Метафраста, было естественно и удобно имѣть экземпляръ метафрастовскихъ Миней въ самой точной къ оригиналу копіи, если не въ самомъ оригиналѣ?! Реконструированный мною списокъ чтеній житійноповѣствовательной группы Алексѣевского Устава претендуетъ на роль авторитетнѣйшаго изъ наличныхъ указателя подлинныхъ произведеній первоначальнаго состава метафрастовскихъ Четинхъ - Миней. — Дальнѣйшее изученіе этого списка, *сравнительно съ Евергетидскимъ Типиконемъ*, открываетъ новыя любопытныя данныя. Патріархъ Алексѣй, указывая для первыхъ двухъ мѣсяцевъ—сентября и октября начала почти всѣхъ перечисленныхъ произведеній, шесть произведеній (15, 16, 24, 30 сентября, 9, 11 октября) между ними отмѣчаетъ безъ начала: очевидно, въ бывшемъ у него подъ руками экземплярѣ метафрастовскихъ Четинхъ-Миней этихъ шести произведеній не было. Евергетидскій Типиконъ, появившійся въ наличной редакціи чрезъ столѣтіе послѣ Алексѣевского, воспроизводитъ въ точности составные элементы Алексѣевского Устава за сентябрь и октябрь, съ тѣми же началами, слѣдовательно, въ тѣхъ же самыхъ редакціяхъ, что и Алексѣевскій Уставъ, но изъ шести произведеній, указанныхъ тамъ безъ началъ, здѣсь четыре отмѣчены съ началами, указывающими редакціи, опять таки изданныя въ СХІV—СХVІ томахъ Migne P. Gr. въ числѣ метафрастовскихъ; а двухъ (9, 11 окт.) вовсе нѣтъ, но послѣднія не числятся и въ числѣ метафрастовскихъ и у Болландистовъ. Очевидно, что Евергетидскій Уставъ воспроизводитъ тѣ же самыя, т.-е. метафрастовскія же Четы-Миней. Съ ноября мѣсяца патр. Алексѣй начинаетъ указывать произведенія безъ начальныхъ словъ, въ Евергетидскомъ Типиконѣ всѣ эти указанныя въ Алексѣевскомъ Уставѣ произведенія кромѣ шести, (11 ноября, 11 дек., 12 марта, 13—15 мая, 20 іюля, 26 авг.; изъ нихъ только житіе Даніила 11 дек. значится у Болландистовъ въ числѣ метафрастовскихъ) выступаютъ (въ числѣ 56) съ началами, принадлежащими редакціямъ, приписываемымъ Метафрасту (изъ нихъ 34 изданы Migne и 21 указаны у Болландистовъ), за исключеніемъ одного лишь мученія Киррика и Гулиты (15 іюля), выступающаго съ началомъ неизвѣстной редакціи. И въ то же время

въ Евергетидскомъ Типиконѣ указывается до 80 произведений лишнихъ сравнительно съ Алексѣевскимъ Уставомъ, изъ которыхъ 59 отмѣчены началами, слѣдовательно, находились въ бывшемъ подъ руками сборникѣ, а 21 не отмѣчены началами, при чемъ о трехъ изъ нихъ (17 сент. житіе Филоея, 20 ноября, 19 іюля) прямо сказано, что въ сборникѣ ихъ не было. Изъ этихъ, отмѣченныхъ началами, не значится въ числѣ метафрастовскихъ у Migne и Болландистовъ только пяти (8, 12 янв., 15 окт. <sup>1)</sup> 8, 14 сент. историческое слово), изъ которыхъ одно (15 окт.) вовсе неизвѣстно и одно—историческое слово на 8 сент.—названо въ самомъ типиконѣ словомъ *eis tēr metafraziv*. Изъ 21 не [отмѣченныхъ] началами, только два (мученіе Софіи 17 сент. и Минны 10 дек.) приписываются Метафрасту у Болландистовъ. Очевидно, въ общемонастырскомъ богослужебномъ употребленіи экземпляръ метафрастовской Четвей-Минеи, бывший подъ руками редактора Евергетидскаго Типикона черезъ столѣтіе послѣ патр. Алексѣя, имѣлъ уже гораздо болѣе сложный составъ (почти вдвое), чѣмъ экземпляръ, бывший подъ руками патр. Алексѣя. *Іерусалимскій Уставъ* имѣетъ въ виду Четви-Минеи Метафраста уже этого послѣдняго, болѣе сложнаго общецерковнаго, общемонастырскаго состава. *Іерусалимскій Уставъ* воспроизводитъ полностью всѣ заглавія (начала не указываются) житійно-повѣствовательной группы Евергетидскаго Типикона, указаннаго здѣсь съ началами, кромѣ шести (7 февр. Ал.-Еверг.; 15 окт., 18 дек., 2, 12 янв., 17 февр.), изъ которыхъ два не приписываемыхъ нигдѣ Метафрасту. Изъ шести произведений, указанныхъ безъ началъ въ *обоихъ* константинопольскихъ Уставахъ, *Іерусалимскій* имѣетъ только три (не имѣетъ 11 дек., 13—15 мая, 20 мая); изъ 18 произведений, указанныхъ безъ началъ только въ Евергетидскомъ Типиконѣ, *Іерус. Уставъ* имѣетъ по-

<sup>1)</sup> Въ спискѣ метафрастовскихъ произведений Eubhard'a изъ всѣхъ агиологическихъ текстовъ, отмѣченныхъ въ Евергетидскомъ Типиконѣ съ началами, не значатся только эти три текста (т. е. на 8, 12 января и 15 октября), да отмѣченное выше мученіе Кирика и Гулитты. См. Васильевскій и Никитинъ. Сказанія о 42 аморійскихъ мученикахъ и церковная служба имъ. Записки Имп. Академіи Наукъ, т. VII, № 2 (СПБ. 1905), стр. 237, прим. 1.

ловину, т.-е. 9 (не имѣть на 18 сент., 6 окт., 10 дек., 13, 17, 20 марта, 25 апр., 21—25 мая, 24 іюня). Всѣ эти данныя представляютъ любопытныя показанія о томъ, что было и чего не было въ авторитетнѣйшемъ, оффиціально-принятомъ для богослужебнаго монастырскаго употребленія кодексъ метафрастовскихъ твореній въ два главнѣйшихъ момента развитія этого кодекса—въ XI и въ XII вѣковъ. Что означаютъ эти два момента развитія оффиціального кодекса метафрастовскихъ твореній въ отношеніи объема и характера работы Симеона Метафраста, въ частности не принадлежатъ ли второй слой кодекса, появившійся въ Евергетидскомъ Типиконѣ и Іерусалимскомъ Уставѣ, продолжателямъ Симеона, а не ему самому, выясненіе этого вопроса требуетъ сравнительнаго анализа произведеній, извѣстныхъ съ именемъ Метафраста, съ точки зрѣнія той классификаціи этихъ произведеній, которая устанавливается въ моей книгѣ.

Сравненіе списковъ произведеній житійно-повѣствовательной группы обоихъ константинопольскихъ Уставовъ съ составомъ славянской Четъей-Миней въ ея наиболѣе полномъ видѣ—Великихъ Четихъ-Миней, сдѣланное мною въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, установило фактъ одинаково интересный какъ для исторіи славянской редакціи Четихъ-Миней, такъ и для исторіи греческихъ Четихъ-Миней до—метафрастовскаго періода. Оказывается славянская Четъя-Миней имѣть произведенія, указанныя въ константинопольскихъ Уставахъ почти во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ 13—15, въ совершенно другихъ редакціяхъ, именно редакціяхъ, неприписываемыхъ Метафрасту. Это значить, конечно, что славянская Четъя-Миней воспроизводитъ тотъ видъ греческой Миней, который господствовалъ въ греческой церкви до Метафраста и періода Алексѣевского и Евергетидскаго Уставовъ, а метафрастовскіе тексты суть въ немъ позднѣйшія наслоенія. А если такъ, то, выкинувши изъ состава славянскихъ Четихъ-Миней произведенія, указанныя въ константинопольскихъ уставахъ и, слѣдовательно, въ оффиціально-принятомъ кодексѣ послѣ-метафрастовской Четъей-Миней XI—XII вѣка, наука получаетъ возможность продолжить съ еще большей полнотой и твердостью начатую (для первыхъ двухъ мѣсяцевъ церковнаго года) проф. М. Н. Сперан-

скимъ <sup>1)</sup> работу восстановления состава Четвей-Миней древнѣйшаго, до-метафрастовскаго періода.

Таковы, высокопочтимое ученое собраніе, тезисы и данныя, которые, по моему мнѣнію, вносятъ въ науку моя книга и сознаніе которыхъ дало мнѣ рѣшимость представить мою книгу на Вашъ ученый судъ. Вашему ученому суду предстоитъ рѣшить: правильно ли я представляю свою книгу или нѣтъ.

Если я ошибаюсь здѣсь, мои официальные оппоненты, надѣюсь, докажутъ мнѣ сейчасъ.

Мнѣ же да позволено будетъ закончить свою рѣчь словомъ *искренней сыновней благодарности* моему глубокопочтимому учителю и предшественнику по академической кафедрѣ, бывшему ректору нашей Академіи *преосвященнѣйшему епископу Евдокиму*, высокопросвѣщенная мысль котораго направила меня на настоящую работу, а ученое руководство и теплое сердечное участіе поддерживали научные порывы и замыслы при началѣ работы на студенческой скамьѣ.

*Василій Виноградовъ.*

---

<sup>1)</sup> Сентябрьская Миней-Четвь до-макарьевскаго состава. Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов. СПБ. 1896; Октябрьская Миней-Четвь до-макарьевскаго состава. Извѣстія Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Ак. Наукъ, т. VI (1901), кн. 1, стр. 57—87.